

ИНТЕРВЬЮ

Тот, кто задумал и произвел на свет Авангарда Леонтьева (Господь Бог, Природа, родители), наверняка знал, что создает актера. Подобно Гоголю, отдавшему всю жизнь одному писательскому поприщу, Леонтьев посвятил себя поприщу театральному. Посвятил целиком, с детства. Даже фамилия от рождения досталась ему театральная: Леонтьевским называется переулок, где жил Станиславский и находится его дом-музей.

Жизнь Авангарда Леонтьева в искусстве началась... обмороком. Что, впрочем, соответствовало будущему амплу острохарактерного актера. На школьную елку классе примерно в четвертом он пришел в костюме гнома. Но мама гнома вдела в бороду слишком тугую резинку — и мальчик потерял сознание. Это маленькое происшествие можно считать предупреждением в будущее: одной из первых работ артиста в театре "Современник" была роль гнома в сказке Льва Устинова и Олега Табакова "Белоснежка и семь гномов".

В восьмом классе Авангард уже руководил школьным театральным кружком. Директор школы на Большом Каретном Михаил Петрович Мартынов, тот самый, что учил и Высоцкого, доверил пятнадцатилетнему Леонтьеву ключи — от школьной входной двери и от своего кабинета.

— Неужели с директорами школы такое бывает?! Поделитесь секретом, Авангард Николаевич: как завоевывается доверие?

— Я всегда был очень ответственным. Если мне что поручат, только несчастный случай может помешать мне это выполнить.

— Интересно, как вы проводили занятия со своими сверстниками? Неужели они вас слушались?

— Очень просто. Ровно в восемь вечера я спускался вниз и отпирал дверь. Почему-то все собирались вовремя. Мы поднимались в директорский кабинет и выносили огромный, наверно, килограмм под тридцать, магнитофон и сообщая волокли его в актовый зал. В пустой школе было темно. Директор дал мне деньги на фонарь, и своим китайским фонариком я случайно выхватывал из темноты какую-нибудь обнимающуюся парочку. Это меня нервировало, я шикал на них, потому что был занят исключительно организацией спектакля, а они — еще и жизнью.

— А когда вы открыли, что жизнь существует и для вас?

— Наверно, после окончания института. Я долго был инфантилен. Покуривать начал уже став артистом. Помню, как трудно мне было играть Хлестакова в студенческом спектакле: мне было не понять его поведения с женщинами, его нахальства.

— Вы были джентльменом даже тогда, когда все дергают девочек за косички?

— Так меня мама воспитывала. Она говорила, что я не могу и пальцем дотронуться до девочки, с которой сижу за одной партой. Я сумел это выполнить.

— Вам удалось реализовать в жизни какие-то мечты юности?

— Вы знаете — да! В пят-

Сцена из спектакля "Мы едем, едем, едем..."

надцать лет я часами сидел в пустом актовом зале, смотрел на сцену и мечтал о том, как стану новатором вроде Станиславского, добьюсь такого же успеха... Но на самом деле, моя главная мечта (кстати, здесь я совпал с Константином Сергеевичем) — вести театральный кружок — сбылась уже тогда и сбывается до сих пор, каждый день.

— Какой кружок, когда вы — профессор, руководитель выпускного актерского курса в Школе-Студии МХАТ?

— И. о. профессора. Преподавать я начал двадцать два года тому назад, Олег Павлович Табаков привлек меня в свою легендарную

нить?

— Одним словом не скажешь. Зритель конкретен, а мы видим его желанно-абстрактным. Он должен быть для нас всем в одном лице: и мамой, и папой, и непосвященным, наивным ребенком. В лучшие свои минуты мы относимся к зрителю с огромным уважением, как к мудрому, сильному, всепрощающему другу. Рихтер говорит: зритель всегда прав. Если публика недооценила — виноват исполнитель.

— А если один зритель в восторге, а дру-

“Нет, я не авангард!” — говорит Авангард Леонтьев

Театральный курьер. — 1997. — февр. — с. 7

Сцена из спектакля "Нумер в гостинице города NN"

студию при Доме пионеров, за что я ему очень благодарен. Потом уже я стал преподавать в ГИТИСе и — затем — в Школе-Студии МХАТ. Формально Дом пионеров — это самостоятельность, но какая была неповторимая прелесть! Табаков — человек легкий, по натуре озорник и любит превращать театр в "веселенькое дело" (его выражение). Мне кажется, что и сейчас со студентами я продолжаю вести тот же кружок.

— Если для Олега Павловича театр — веселенькое дело, то что театр для вас?

— Многолик, как жизнь... (задумывается) Я не могу сказать о театре лаконично и всеобъемлюще, потому что это — загадочное место. Платят в нем мало. Всем: и артистам, и рабочим сцены. Поэтому там работают люди, которые его любят. Любят и подмостки, колосники, пыльные кулисы. Любят "неповторимое торжественное начало", как писал Анатолий Васильевич Эфрос, когда публика собирается и ждет начала спектакля, и волнуется предвкушая. И за кулисами — тоже все волнуется. Это общее волнение и ожидание чуда — прерогатива театра. Только театр! В кино публика отделена от тех, кто снимал и снимался. А в театре — зритель сам участвует в сотворении чуда.

— Зритель для вас кто: помощник, партнер или соперник, которого надо завоевать и подчи-

тому скучно?

— Конечно, все люди разные. Подчас нас недопонимают, как нам кажется, даже наши близкие. Но если удается, часть публики подключается к тебе и начинает увлекаться тем же, что и ты. Эта часть может быть немногочисленной, но она способна сделать погоду в зрительном зале. Если же ты не произвел впечатление ни на кого — пиши пропало.

— Значит, вы сразу стремитесь заключить союз с кем-то в зрительном зале и, начав работать с союзником, постепенно, сообщая выстраиваете общую атмосферу?

— Да. Да! Понимаете, актер благоговейно перед залом. Даже если пренебрежительно машет рукой: "а-а, ничего, сыграем, не психуй!" Это он лукавит. Вы хорошо сказали: нужно установить союз. Искренний. Если хочешь, чтобы союз был искренний и прочный, надо желать его всей душой.

— Но вот спектакль закончился. Вы сделали все, что смогли. Не хочется ли вам стать неузнаваемым (парик, очки, нос) и пойти в народ подобно Гарун-аль-Рашиду — послушать, что о тебе говорят?

— Нет. Я слишком хорошо чувствую по залу: было ли тихо, много ли кашляли. Смеялись или помалкивали. Мы чувствуем, когда зритель захвачен.

— В прошлом театральном сезоне вы сыграли две главных роли в спектаклях "Современника" "Карамазовы и ад" Валерия Фокина и "Мы едем, едем, едем..." Галины Борисовны Волчек. Диапазон демонстрируете колоссальный: в "Ка-

рамазовых" — Черт, стержень философской концепции спектакля; в современной комедии

Николая

Коля-

ды —

излюб-

лен-

ный

персонаж

русской

литературы —

маленький чело-

век. Этот скром-

ный чиновничек

Миша, этаким

неуверенным в

себе и одино-

кий Макар Де-

вушкин наше-

го времени —

типичный ваш

герой. Вы любите

играть такие

роли?

— Да, это "моя" роль,

но я таких сыграл не-

много. В кино — да, в

театре — меньше. Был

у меня такой Алексеев

в фильме Никиты Михал-

кова "Несколько дней из жизни Обломова" —

милый спокойный приживал, траченный мо-

лью. Почти гоголевский Башмачкин. Его не

запоминаешь: он — часть среды, в которой су-

ществует Обломов. В "Утомленных солнцем"

того же Михалкова я снялся в эпизодической

роли шофера грузовика, убитого случайной

пулей. Этот шофер ни в чем не виноват. Таких

много попало под каток. Они — шепки, кото-

рые летят, когда рубят лес. Таких ролей я

должен был сыграть много. Но, к сожалени-

ю, не сыграл... Не сыграл я ни Мармеладо-

ва, ни Епиходова, ни Башмачкина, ни Смердя-

кова — роли, которые моя первая учительница

в профессии, Анна Гавриловна Бовшик, на-

звала моими. Я о них мечтал всю жизнь. Это

значительные, бенефисные роли! Кроме Чи-

чикова, у меня таких не было.

— Спектакль "Нумер в гостинице города NN" Валерия Фокина — самая яркая интерпретация Гоголя, которую мне довелось видеть. Слово, звук, пространство, игра света — все компоненты одинаково важны, все плотно соединены в одно, в "коробочку", где и происходит действие спектакля. А сама декорация-коробочка навешена шкапулкой, где Чичиков хранит всякие купчие на приобретенные мертвые души. У вас, Авангард Николаевич, там почти нет слов. Наверное, трудно играть без текста?

— Очень. Но меня спас Фокин. Он обожает этюды. Одно из его любимых занятий — сесть тихонько в уголке, даже стулом не скрипнуть, чтобы актер напрочь забыл о его присутствии, и подсматривать, что тот делает в своем публичном одиночестве. Для раскрепощения актера этюды очень важны.

— Ваш Чичиков занят простыми житейскими делами: тщательно бреется, с жадностью ест, просматривает содержимое своей шкапулки, напевает любимые оперные арии. В спектакле не сказано словами, но яркими образами говорится о его инферальности, его родстве с нечистой силой.

— Я не играю чертовщину в Чичикове, я — адвокат своего героя.

— А если ваш герой совершает дурной поступок, вам бывает за него стыдно? Или вы его во всем оправдываете?

— Если мне в роли Чичикова будет стыдно, значит, я — не Чичиков и забрел куда-то не туда. Самокопание не для него.

— Но вы же срослись с ним? Вы, Авангард Леонтьев, стали Чичиковым на каких-то полтора часа!

— Но в эти полтора часа мне некогда быть Авангардом Леонтьевым. У меня столько забот! Вполне бытовых. Много переодеваний. Надо по-настоящему проголодаться, потом забыть об этом, потому что сон сморил. Заснуть — почти по-настоящему, но все же не до конца, потому что будить некому. Зритель сидит в двух метрах от меня, надо быть абсолютно правдивым, а это так трудно, что мне некогда думать о философии, о черте. Я скорее рассчитываю на помощь Николая Васильевича и на публику, которая не будет холодна.

— Считаете ли вы себя счастливым человеком?

— Во всяком случае — везучим. Мне очень повезло быть рядом с людьми, которые передают эстафетную палочку от своих великих учителей. Я — свидетель того, как они эту палочку охраняют, чтобы было что передать дальше.

— А вы свою эстафетную палочку охраняете?

— Я? Ну, в каком-то смысле — да. У меня есть ученики, и я пытаюсь передать им то, чему учили меня. Я не привнес ничего нового, я — не авангард (тут мы оба смеемся, радуясь случайному каламбуру). Но мне можно доверить тайну. Или чужие ключи.

Светлана Новикова.